

Антонина Крюкова

ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ, что послужило для вас источником вдохновения в картине «Вор»?

— Желание рассказать о своем детстве и о стране, в которой я живу сегодня и жил тогда. Хотелось рассказать просто и эмоционально. История вора — это сюжетная линия, которая, конечно, важна, но не принципиальна — формально мог быть и другой сюжет. Важно было рассказать о людях, которых я люблю, о той довольно жесткой среде, в которой они жили и к которой были идеально приспособлены настолько, что могли быть даже счастливыми.

— В стилистике вашей картины ощущается влияние советского кино 50 — 60-х годов.

В ОТСУТСТВИЕ «ОСКАРА», В ОЖИДАНИИ «НИКИ»

Павел Чухрай — кинорежиссер с активной жизненной позицией

Независимая газета. — 1998. — 24 апр. — с. 9

— Я, естественно, учитывал этот опыт, где-то стилизовал под то время и под то кино, потому что считаю, что наша память — это не только то, что мы помним сами, но и то, как мы это видели в фильмах того времени. Конечно, я использовал эти ассоциации не только российского кино, но и, например, итальянского неореализма.

— В этом фильме вы и автор сценария. Каковы взаимоотношения режиссера со своим собственным сценарием?

— Я люблю этот сценарий. Когда снимаешь чужой сценарий, важно в него как бы встроиться, надеть на себя, чтобы он нигде не жал и чтобы чувствовать в нем себя органично. Я писал сценарий для себя, не пытаясь его расцветить какими-то литературными отступлениями или

украсить чем-то, чтобы он кому-то понравился. А потом, во время съемок, у меня была одна задача — наиболее адекватно перенести написанное на экран.

— Ходят слухи, что по просьбе продюсера вам пришлось переснимать финал. Это соответствует действительности?

— Просьба была. Но у меня у самого всегда было ощущение, что с финалом что-то неладно. Еще на стадии сценария у меня было три или четыре варианта финала, я много раз его переделывал, потому что было ощущение чего-то инородного, приставного конца. Во время съемок я сделал несколько запасных эпизодов, интуитивно чувствуя, в каком направлении пойду, если буду делать какой-то другой финал. Когда мы показали картину зрителям, показали на одном фестивале, потом на другом, показали своим друзьям, то кому-то этот финал понравился, кто-то остался недоволен. По существу, спор сводился к тому, нужен эпилог или нет? Французские продюсеры считали, что западному зрителю он будет непонятен: современность, война, «все эти ваши внутренние дела...». Мы сделали короткий вариант. Мысль сохранена, конструктивно стало немножечко легче, но что-то и ушло. Поэтому практически мы не пользуемся этим финалом, везде картина идет со старым финалом. Тем более что для всех конкурсов мы и не могли его поменять. На европейском «Феликсе», американских «Золотом глобусе» и «Оскаре» фильм был представлен со старым финалом. По сути — в новом варианте нет куса, связанного с современностью, то есть нет выросшего героя, которого играет Юрий Беляев. Но при этом удлиняется история с мальчиком, когда ему исполнилось 14 или 15 лет — где-то в 1958 году.

— Можно ли говорить о том, что этой картиной вы полемизируете со своим отцом — Григорием Чухраем?

— Никакой полемики нет. Можно говорить о продолжении какой-то темы. Был ли я под влиянием кинематографа отца? Конечно, был — не мог не быть! Отец очень близкий для меня человек, и то, что он думал всю жизнь про страну, как он ее воспринимал, не могло не передаться мне. И в этом смысле можно сказать: да, вот эта женщина Катя могла быть той самой Шуркой, которая познакомилась с солдатом в поезде (в «Балладе о солдате»). И если представить себе, что с ней могло быть дальше, то это как раз то, что происходит в нашем фильме. Мы как бы говорим: те солдаты погибли, а детей их воспитали воры. Ведь места в обществе заняли начальники, разговаривавшие страну и говорившие, что делают это на благо нашей страны.

— У вас как у режиссера есть некая установка, в соответствии с которой вы относитесь к своим героям?

— Есть, конечно. Я их люблю. Эмоциональные фильмы получаются только в тех случаях, если любишь героев.

— Но вы беспощадны к персонажу Владимира Машкова.

— Я и к себе беспощаден. И поэтому к герою Машкова беспощаден. Я люблю его за многое и многое готов в нем понять и простить. Но многое простить не могу. Потому что отношусь к нему с уважением, а значит, и требовательно — так же, как к себе самому. Толян — неплохой человек, в жизни я видел гораздо хуже.

— Какова прокатная судьба «Вора»?

— Картина продана в двадцать регионов России. Но ее у нас издадут в основном на видеокассетах, и они замечательно продаются. А прокат развален, российские картины слишком дороги для прокатчиков. Эта ситуация аналогична той, что сложилась и в нашей промышленности: технологически дороже изготовить вещь у себя, чем купить ее за границей. Должны быть какие-то благоприятствования для национальной экономики. Так же и для кино. Но пока этого нет. В маленькой Италии, например, напечатали для проката больше копий, чем в России. Знаете, там смотрят фильмы по-другому — там люди ходят в кинотеатры.

— А как вообще зарубежный зритель воспринимает эту картину?

— Тут нам повезло. Фильм смотрят за рубежом с интересом.

— Почему, на ваш взгляд?

— Потому что в нем есть семейная история, есть ребенок и есть временной период российской жизни, о котором зарубежному зрителю мало что известно.

— Выдвижение «Вора» на премию «Оскар» было для вас неожиданным?

— Да, я не ожидал, что меня выдвинут на «Оскара».

— Ну а после вы надеялись его получить?

— Нет, я, в общем-то, не сомневался, что не получу «Оскара». По многим причинам.

— Была какая-то закулисная история?

— Не знаю, я могу только предполагать. На любом фестивале она обязательно есть. Тем более на таком дорогом мероприятии, как «Оскар». Что мы теряли, не получив приза? Всего лишь статуэтку, ну и престиж, конечно. А для тех, кто живет и работает в Европе и Америке, эта премия — будущие гонорары с шестью нулями. Это очень большая разница. Конечно, и для меня даже номинация что-то значит. После такого резонанса мне немножко легче будет получить или собрать здесь деньги на следующую постановку.

— После того как вы побывали на «Оскаре», у вас сложилось какое-то впечатление от того, что происходит в мировом кино?

— Но я кино-то там не смотрел. Я занимался другими вещами. Все, что там выходит,

можно посмотреть и в Москве. Я общался с людьми, давал интервью — их было очень много и на ТВ, и в газетах, общался с продюсерами, коллегами-режиссерами, с большой российской диаспорой Лос-Анджелеса, чувствовал себя там почти так же, как здесь — в смысле знакомых, друзей и возможности общаться.

— В фильме «Вор» есть «французский след». Каково участие французов в этой картине?

— Мы просто выиграли всеевропейский конкурс сценариев и получили 300 тысяч долларов, которые были нашим трамплином, с этой суммы мы начинали картину. Но, выиграв этот конкурс, мы формально должны были следовать условию, что эти деньги могли быть получены в случае, если в проекте участвует и французская сторона. Продюсера с французской стороны, правда, я увидел, когда картина была уже готова. Мы показали фильм, он ему понравился. Сейчас французы занимаются продажей картины: в Америку, в Восточную Азию, в Японию и т.д. Ко мне это уже не имеет отношения.

— В 1993 году вы сняли документальный фильм о Жириновском — «Ястреб». Считается, что это прибавило ему голосов избирателей.

— Во-первых, это неправда — никаких голосов фильм ему не прибавил. Это сказали «яблочники», которые с треском проиграли ту кампанию и искали причину хоть в чем-то. А я, кстати, делал фильм не для нашей страны, а для западного зрителя, чтобы тому было ясно, что вот есть такой человек со взглядами, близкими к фашизму, который пользуется здесь популярностью в довольно широкой среде, человек, который может заморочить голову, что он и делает. Мой фильм там был понят правильно. Но со зрителями нашей страны надо было бы говорить, наверное, как с маленькими детьми, и объяснять азбучные истины. Например, что стучать на товарищей плохо, что хороших и плохих народов не бывает, и так далее. У нас ведь как? Говоришь, например, что этот человек вас обманывает, что он на самом-то деле создал партию на деньги КГБ. А тебе в ответ: «Ну и ладно». Ты говоришь: он готов уничтожить целые народы. А тебе говорят: «Ну и пусть, зато он правильно правильно критикует». Когда я пришел к Жириновскому, то сказал: я не ваш сторонник, но обещаю, что прокомментирую ничего не буду, сниму то, что вы мне позволите, и то, что о вас говорят другие. Я свое слово в фильме сдержал, но и этого, думаю, было достаточно.

— Вы еще делали какие-нибудь политические фильмы?

— В прошлой президентской кампании я делал практически все короткие документальные истории «Голосуй сердцем». В тот

момент я делал это не потому, что мне нравился Ельцин, а потому, что не видел альтернативной ему фигуры.

— А если бы сегодня были выборы, вы бы сняли такие же клипы?

— Нет, сегодня я бы уже в этом участвовать не стал. Ситуация дошла до абсурда.

— Что ж, вы и голосовать не пошли бы?

— Ну куда же я денся? Пошел бы, конечно, потому что, когда ты не голосуешь, ты как бы снимаешь с себя ответственность. А это неправда — ты все равно за все отвечаешь. Ты думаешь: а, сделайте, что хотите, я в этом не участвую. Но так не бывает.

— У вас уже есть проект, над которым вы будете работать после «Вора»?

— У меня есть сценарий, который я написал еще до «Вора», но я к нему уже потерял интерес. Поэтому, может, я теперь напишу другой. Есть идеи, которые меня увлекают.

— «Вор» выдвинут на «Никку» по огромному количеству номинаций. Вы надеетесь на успех?

— Наверное, что-то мы получим. Именно потому, что мы так широко там представлены. Но я понимаю, что с нашим фильмом соревнуются и другие очень интересные работы.

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Павел Чухрай родился в 1946 году, окончил в 1970-м операторский (мастерская Бориса Волчека) и в 1974-м режиссерский (мастерская Игоря Таланкина) факультеты ВГИКа. Работал вторым оператором на фильмах «Красная площадь», «Вид на жительство», «Если хочешь быть счастливым» и др. Как режиссер снял фильмы «Ты иногда вспоминай» (1978), «Люди в океане» (1980, золотая медаль имени Александра Довженко, специальный приз Московского МКФ 1981 года), «Клетка для канареек» (1983), «Зина-Зинуля» (1986), «Запомните меня такой» (1987, Гран-при «Злата Прага» на международном телевизионном фестивале в Чехословакии, приз жюри за режиссуру на МКФ в Токио), «Ключ» (1992), «Вор» (1997, золотая медаль президента Сената, приз молодежного жюри и приз Unisef на 54-м МКФ в Венеции, номинация «Лучший зарубежный фильм» премии «Оскар»). В этом году «Вор» выдвинут на премию «Ника» по 11 номинациям.

Павел Чухрай и Миша Филиппук, получивший в Лос-Анджелесе приз «Лучшему юному актеру года» в категории «Иностраный фильм».